

Т.Ю. Красовицкая

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЕ:
ИДЕАЛЫ И ПРАКТИКИ**

Национальный вопрос внес немалую лепту в остроту коллизий Гражданской войны. Для понимания его роли и значения следует обратить внимание на восприятие России многоэтничным российским сообществом.

Особенно это касалось событий и фактов Гражданской войны, времен, когда советский режим с его фальшивым интернационализмом жестко пресекал публикацию неприятных фактов как собственных деяний, так и, отдадим ему должное, многих деяний своих противников. Теперь «овеивают» ореолом героизма, жертвенности и иного подобного всех участников этой трагедии.

Советский режим воображал, что монографии по истории должны учить правилам хорошего тона и правильному поведению. Но сегодня историки прорывают завесу, предоставляя читателю реальные факты событий. Очевидно, что сегодня общество как никогда крайне заинтересовано в анализе национальных проблем, как говорится, по гамбургскому счету. По сути, оно, может быть, впервые на правильном (а не том, о котором говорил А. Солженицын как о «добродушном неразличении»), но тяжком пути самопознания. Но ему нужно помочь пройти этот путь. В силу тяжести пути, с него очень легко свернуть на путь ошибочный. Общественное сознание, страдающее в немалой степени инфантилизмом, не научено критическому осмыслению.

Оно не научено этому ни преподаванием истории в школе в советские времена (родители), ни, к сожалению, пока и преподаванием ее в постсоветской школе (молодежь).

Нерусские народы: погоня за призраком власти

Империю устраивают навсегда как Мир для каждого. Русские были весьма терпимы к имперской разновидности унитарного плюрализма. Но к 1917 г. ландшафт был далеко не величествен, кротовьи дорожки обозначили «слабость» швов в конструкции российской империи, и складываемой с трудом Российской республики. Как образно выразился Т. Нейрн, «под искаженным углом зрения метрополии этнос всегда выглядел этаким маленькой пакостью, кротовьей дорожкой в саду, который должен быть безупречным. Однако ему-то хочется иметь свой собственный сад, свое фигуральное место в рамках величественного ландшафта современности»¹.

Задуманный Мир разваливался: национальные движения февраля – октября 1917 г. не имели точного представления, куда направлены, но были реальной силой. Мир становился многолюднее, но не имел хорошей репутации. На горизонте, грозя политической и экономической катастрофой, возникал «девятый вал».

Падение Российской империи – гигантских масштабов явление. Ясно, это что произошло не только в мире, но и с Миром, с людьми вообще. Такие события трудно понять: как они вообще могли произойти? Традиционные регулятивы и имперских, и автономных культурных ресурсов и их продукты уже не следовали привычным путем. Они становились зигзагообразнее, расходились в разные стороны. Этнические запросы еще

являлись символами, ничего не говорящими о том, что будет в конце дороги. Символы, однако, представляли реальные потребности, которые следовало оформить в стратегии, обеспечить структурами, компетентными персонажами, способными конкретизировать эти символы и предложить их решение. Главная программа действий должна была возникнуть из столкновения с действительностью.

* * *

Российская держава состояла из 146-ти «членов империи», по-разному и в различные исторические периоды инкорпорированных в общественно-политический, экономический и культурный имперский организм. В Гражданской войне мозаичный уникальный сверхсложный социум реагировал и на падение монархии, и на революции начала XX в., и на развал империи. «Национальный ответ» традиционных в целом народов на проекты экономической, политической и социальной модернизации Российского государства не успевал набирать «обороты» и предлагать свои варианты развития. Он уступал место крайнему национализму, появившемуся раньше, чем произошла индустриальная революция.

Подавляющее большинство российских народов (и русские в их числе – в целом как этнос – не были исключением) не могли понять смысл и содержание многих перемен. Во многом они своими экономическими, культурными, политическими возможностями не соответствовали вызову времени, его духу и смыслу. Падение монархии актуализировало срочность ответа о правовых отношениях с республиканской властью нерусских народов России. Временное правительство немалое внимание уделило

подготовке Учредительного собрания. Оно должно было дать ответ на этот вопрос. Но правительство зажали тиски сложнейших военных обстоятельств, восстановления элементарной управляемости страной, необходимости решать неотложные социально-экономические вопросы.

Большевики в рамках своей доктрины обладали лишь теоретической конструкцией, сводимой к лозунгу права наций на самоопределение. Заявление В.И. Ленина в дискуссии с Р. Люксембург, сравнившего это право с правом на развод (право на него не есть приглашение всем женам уходить), не более чем запальчивый ответ спорщика, мало отдающего себе отчет в несравнимости каждой, по-своему драматической, ситуации. Они не собирались практически реализовать его в уникальной по этнической сложности стране, в конкретных социальных, культурных и ментальных реалиях. Их привлекала западноевропейская практика активизации революционных процессов, причудливым образом сочетавшаяся с главным постулатом о неизбежности мировой революции.

Более актуальной большевикам казалась полезность лозунга при развертывании революционной борьбы за свержение прежней власти и устранение эксплуататоров, колониционных слоев и их структур. Изменять эти отношения и зависимости они предполагали, реализуя классовый подход. На него и делались главные ставки. В их представлении, его должно было поддержать подавляющее большинство несчастного и обездоленного населения независимо от национальной принадлежности.

Но Февральская революция и Октябрьский переворот придали силы не только социальным, но и национальным движениям. Ленин воочию увидел два поразному мощных, во многих претензиях

переплетавшихся потока. Каждый в отдельности был сильным оппонентом и существовавшему, и устанавливаемому большевиками порядку вещей.

Сложность удовлетворения интересов классового потока, в силу его массовости, радикализма, емкости содержательных претензий (долой войну, самодержавие, эксплуататоров), вполне сопоставима с многочисленностью национальных движений. Разнообразие же реальных проблем на территориях, которые и до революции в этноментальной сфере не вполне контролировались имперской властью, еще предстояло выяснить, дабы понять, в какой степени народы способны принять содержание грядущих преобразований. В ходе военных действий, особенно на западных окраинах империи, контроль был утрачен в еще большей степени, что способствовало радикализации общественных настроений в нерусских средах. Эти обстоятельства значительно усиливали деятельность различных национальных движений и партий.

Империя начала распадаться по национальному признаку. Лозунг о праве наций на самоопределение был, безусловно, привлекательным для национальных движений. Большевики не обладали правом монопольного им владения. Лозунг давал возможность симпатизирующим ему политическим силам выстраивать собственное политическое поведение в революционном процессе, в разной мере соотносясь с реальными возможностями идущих за ними масс.

Добиваясь расширения политической базы, большевики усилили содержание лозунга до права наций на отделение и самостоятельное устройство *государственной* жизни. Реальные возможности создать собственную государственность в должной мере не отрефлексированы ни большевистскими теоретиками, ни большинством национальных движений.

Большевики стремились соединить классовый поток с национальным, заявив, что вопрос о целесообразности отделения того или иного народа должны решать его трудящиеся массы. Понимая в какой-то мере утопичность такого политического механизма, Ленин считал, что их интересы представляет большевистская партия. Для лидера партии со столь радикальными идеями механизм реализации самого права, в сущности, – государствоохранительный. Если сочетать его с принципами жизнедеятельности партийного механизма РСДРП(б), жестко контролируемый ее лидером, то он имел изначально авторитарную природу.

С невиданной быстротой нараставшая борьба за удержание власти и расширение ее социальной опоры побудили Ленина в ряде решений конституционного характера усилить примат классового.

С какими событиями и процессами это было связано?

* * *

В опубликованной 16 ноября 1917 г. «Декларации прав народов России» классового «ограничения» права на самоопределение еще нет. Эта декларация подписана и им, и И.В. Сталиным как должностными лицами большевистского правительства, считавшегося временным до созыва Учредительного собрания. Правда, ни Сталиным, лично формировавшим свое собрание сочинений, ни составителями ленинского эта декларация как авторский текст ни в то, ни в другое не включена.

А «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» написана Лениным через два месяца. Ограничение права на самоопределение лично сформулировано Лениным лишь в январе 1918 г. как

право трудящихся каждой нации решать вопрос о судьбе своего народа. Она включена полностью в текст первой советской Конституции 1918 г. Это ограничение подчинено важному положению: Российская Федерация учреждается как *федерация советских национальных республик*. Впервые в документе конституционного характера названа конструкция будущей государственности. В федерацию могли вступать народы, признавшие, как видим, власть большевиков и ее классовую доктрину.

Присмотримся подробнее к реальной ситуации. Что происходило в тот период?

Декларирование большевистской властью своего отношения к российской государственности, иного принципа переустройства хронологически совпало с разгоном Учредительного собрания. Оно должно было ответить на вопрос, в каких правовых отношениях нерусские народы России находятся между собою и тем типом власти, который в стране будет установлен. Большевики обещали созвать Учредительное собрание в целях легитимации своей власти. Представители национальных партий и движений ехали в Петроград, чтобы участвовать в решении этих вопросов. Однако им не дали возможности изложить свою позицию. Накануне Г.Е. Зиновьев на заседании ВЦИК 22 декабря 1917 г. пояснял: «Мы отлично знаем, что под предлогом созыва Учредительного собрания, под знаменитым лозунгом “Вся власть Учредительному собранию” кроется лелеемый лозунг “Долой Советы”».

Большевики развернули бешеную агитацию, но военные гарнизоны Петрограда не согласились осудить Учредительное собрание как контрреволюционное. Большевикам пришлось опираться на красногвардейские отряды и матросов. «Мужик может и колебнуться в случае чего, – говорил Ленин. – Тут нужна пролетарская

решимость». В.Д. Бонч-Бруевич вспоминал: в день открытия собрания Ленин «волновался и был мертвенно бледен, так бледен, как никогда... Он сел, сжал судорожно руки и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными глазами всю залу от края и до края ее».

Ленину было о чем волноваться. Выборы в Учредительное собрание большевики не выиграли. Их власть распространялась на территорию, по сути, Петрограда и Москвы. Неприятные события разворачивались на окраинах империи. Так, украинское национальное движение подошло к Октябрьскому перевороту 1917 г. сформированное идеологически и оформленное организационно в политические партии. Выработаны были национальная концепция истории украинского народа, основы литературного языка и его словарь. Еще ранее выдвигались требования о паритете культур. Движение вплотную подошло к вопросу о формах национально-государственного устройства Украины. Главное, удалось достичь утверждения в народном сознании украинской идентичности, закрепить такие связанные с самосознанием политические понятия, как Украина, украинцы и т.п.

Тем не менее, Ленин 16 декабря 1917 г. выступает с «Манифестом к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде». В нем он, хотя и признает право украинского народа на независимость «тотчас же, без ограничений и безусловно», Украинскую народную республику, ее право на отделение или вступление в «договор с Российской республикой о федеративных» отношениях, но больше его волнует позиция Центральной рады Украинской народной республики, поддержавшей Донского атамана А.М. Каледина и пропускающей с фронта казачьи войска, направляющиеся в Донскую область. Манифест угрожал

считать Раду объявившей «открытую войну против Советской власти в России и на Украине».

Советской властью на Украине Ленин считал декабрьский съезд Советов в Харькове, на котором большевики провозгласили Украину советской республикой. Но их маневры с целью насадить собственную власть не принимали во внимание то, что в Харькове украинское население было крайне малочисленно.

Подобную тактику большевики возьмут на вооружение и будут использовать в годы Гражданской войны.

Наблюдая реальное положение вещей, отношение к устанавливаемой им власти, Ленин в «Тезисах об Учредительном собрании» предусмотрительно фиксирует, что-де выборы состоялись, когда народ еще не мог «знать всего объема и значения» происшедшей «Октябрьской, советской, пролетарски-крестьянской революции». И потому отразили события на Украине, в Финляндии, в Белоруссии, на Кавказе, когда появились, по его оценке, «буржуазно-националистические, Украинская Рада, Финляндский сейм и т.п.».

Ленинские тезисы «Правда» публикует 26 декабря 1917 г., сообщив, таким образом, собирающимся на открытие Учредительного собрания делегатам позицию новой власти. 3 января 1918 г. Ленин пишет «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». «Правда» и «Известия» публикуют ее 4 января, в канун разгона Учредительного собрания. Политические соперники – депутаты Учредительного собрания – изгнаны, но только из столиц – Петрограда и Москвы.

Большевики продумали сценарий и III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, принявшего эту декларацию с их представлением о будущей российской

государственности. Съезд открылся 10 января 1918 г. В тот же день Ленин беседует с Я.М. Свердловым о необходимости подготовить объединение его с III Всероссийским съездом крестьянских депутатов, открывающимся 13 января. Декларация зачитана Свердловым на втором заседании первого съезда 11 января, то есть еще до открытия крестьянского съезда. Ленинская биохроника свидетельствует, что во время зачитания ее делегаты устроили овацию. Теперь уже не выяснить чему или кому: ее ли содержанию, или вошедшему в этот момент в зал Ленину. На этом съезде большевики обеспечили себе и поддержавшим их левым эсерам 94 % мест: в три раза больше, чем им полагалось по результатам выборов в Учредительное собрание.

И пафос, и риторика, и декларации большевиков сводились к тому, что власть в стране с октября 1917 г. принадлежит «трудящемуся народу». Объявляя народ носителем власти, ловко, как видим, маневрируя, они заявляли, что источником власти является диктатура пролетариата. Огромное же число нерусских народов не имело рабочего класса. Или имело единичных представителей. Нерусское население страны в подавляющем большинстве было крестьянским. «Диктатура пролетариата» не создавала для них возможностей участвовать в механизме новой власти и быть ее источником.

Диктатура (а в реальности – террор), ловкие маневрирования и подмены, как в случае и с Объединительным съездом Советов в Петрограде, и с Всеукраинским съездом Советов в Харькове, стали главными средствами политического поведения новой власти. Оно отчетливо выявляет истинного суверена власти – правящую партию, которой принадлежит право принятия судьбоносных решений. Большевики использовали насилие для борьбы с другими

претендентами на власть. Смысл, содержание, а главное, практика реализации диктатуры пролетариата превращали национальных лидеров в оппозицию, в противников, лишая перспективы политической деятельности.

Башкирский лидер Заки Валидов один из немногих поверил большевикам, перешел на их сторону и увел за собой значительные воинские силы. Позднее он остро реагировал на отсутствие у большевиков моральных норм: «Мне сам Ленин как-то сказал, возражая: “Что же вы, тов. Валидов, ссылаетесь на какие-то нравственные уставы, какой же вы революционер? Договор же, заключенный с вами, – это клочок бумаги, никого ни к чему не обязывающий”».

* * *

Вопрос, в какой мере восставшему народу (народам) удастся отстоять свое видение будущего страны, необходимости перемен, путей и средств изменения не устраивавшей их жизни, оставался острым и открытым. В немалой степени на его остроту влияло и усиливающееся Белое движение, интенсивное собирание им сил, а также вопрос о мире с Германией.

Когда большевики декларировали Российскую Федерацию в январе 1918 г., под ее границами они подразумевали территорию всей Российской империи. В контексте же идеи мировой революции, главной в большевистской доктрине, государственные границы страны слабо принимались в расчет. После Октябрьского переворота большевистские газеты чуть ли не ежедневно выходили с аншлагами: началась революция в Германии, Финляндии, Франции. За них выдавалось каждое донесение о промышленных забастовках или мятежах.

Чем объясняется та легкость, с которой большевики подписали трагический и «похабный», в восприятии их противников, Брестский мир? И в самом деле, Россия теряла огромную территорию.

Посмотрим на нее внимательнее в национальном аспекте.

Первая мировая война была позиционной. Хотя гигантских перемещений войск и не было, в ее орбиту оказались вовлечены огромные массы населения – военнослужащие, беженцы, пленные. Миллионы людей были мобилизованы в армию. Фронт располагался от Балтийского моря до Закавказья. Часто войска подолгу дислоцировались в одном и том же месте. Шла политизация армии. Так создавались условия для общения с местным населением. Все эти процессы «врывались» в маленький сельский мирок, разрушали его, выталкивали обитателей в большой мир, заставляли мыслить категориями, превосходящими село, уезд, губернию.

Уже в середине декабря 1917 г. Германия, опираясь на принцип самоопределения наций, поставила вопрос об отторжении от России Польши, Финляндии, Литвы, Курляндии, части Эстляндии и Лифляндии, территории которых были полностью или частично оккупированы. Ленин пытался парировать требование мотивировкой, что оно поддержано не трудящимися, а буржуазными кругами и крупными земельными собственниками.

Большевики отнюдь не покорно восприняли претензии Германии на западные окраины. Они активно пытались изменить ход событий и в той же Финляндии, и в Польше, и в Прибалтике, и в Закавказье, и на Украине. Тем не менее, при обсуждении условий Брестского мира немцы жестко ставили вопрос о том, что народы, чьи территории находятся в зоне оккупации, должны стать

участниками переговоров и представлять на них свои интересы. Конечно, Германия в контексте *Russlandpolitik* стремилась реализовать свои геополитические интересы и свести территорию России к границам проживания русского этноса. Отодвинув границы России на восток, она взяла бы под контроль номинально суверенные Польшу, Украину, Грузию и прибалтийские государства.

Л.Б. Каменев от имени российской делегации заявил, что аналогичным правом обладают и «те части указанных наций, которые оказались вне оккупированной зоны».

Большевики срочно стали устанавливать персональный контакт с лидерами левого крыла национальных партий и движений, создавать национальные комиссариаты, назначать национальных комиссаров. В первую очередь по польским, литовским, латышским, белорусским, эстонским, еврейским и армянским делам. Внимание большевиков сосредоточивалось на западных народах, где процессы отделения набирали силу. В задачу национальных комиссариатов входила в первую очередь пропаганда идей новой власти. Ленин встретился лично со многими национальными комиссарами: с армянским – В.А. Аванесовым, с литовским – В.С. Мицкявичюсом-Капсукасом, с белорусским – А.Г. Червяковым, с еврейским – С.М. Диманштейном, с мусульманским – М. Вахитовым, казахом А. Джангильдиным, с финнами Э. Сирулой и Э. Хуттуненом и другими. В Брест-Литовск был направлен от Армянского комиссариата известный поэт Ваан Терян.

Немцы все же обязали большевиков не принуждать «ни прямо, ни косвенно» к «принятию той или иной формы государственного устройства» до «окончательного конструирования» занятых «областей на основе политического самоопределения населяющих

их народов». Л.Д. Троцкий был неприятно удивлен тем, что Германия установила сепаратные связи с украинскими националистами. 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) на переговоры прибыла делегация Центральной рады. Ленину ничего не оставалось, как тогда же, лишь начались переговоры о мире, фактически вручить грамоту о независимости Финляндии председателю Сената Финляндии П.Э. Свинхувуду, 6 декабря подписавшему декларацию о независимости.

Временное правительство в принципе согласовало вопрос с Финляндским сеймом, но отложило официальное признание независимости до созыва Учредительного собрания. Оно стремилось демократически решать судьбоносные вопросы: от имени представителей народов России. Ленин же вручил грамоту до открытия Учредительного собрания, на основании декрета Совнаркома в перерыве между его заседаниями. Это было прагматическое решение: в нем преобладали пропагандистские цели предупредить сепаратистские процессы, а также стремление показать, что можно решить вопросы и без Учредительного собрания. Важно было отреагировать и на германские требования. Юридически в составе России еще оставались Польша, Лифляндия, Курляндия, Эстляндия, занятые немецкими и австрийскими войсками.

Однако пропагандистские цели не были достигнуты, и Центральная рада не убоилась ленинского ультиматума. В декабре 1917 г. она объявила Украинскую народную республику независимой. Большевики отказались признать этот факт, и, хотя Троцкий объявил действия Германии вмешательством во внутренние дела России, это было все, что он мог сделать. Германия огласила свои территориальные претензии, разворачивая перед российской делегацией карту, на которой были представлены новые границы.

Согласно ней, от России отделялись Польша, обширные территории на западе России, включая Литву, южную Латвию. С невероятным бесстыдством именно 5(18) января, в то время как в Петрограде Ленин разгонял Учредительное собрание, Троцкий в Брест-Литовске пытался парировать германские претензии тем, что «лучшим средством выражения воли народа является референдум». Письмо С.Г. Шаумяна к Сталину свидетельствует о том, что в начале января 1918 г. большевики не возражали бы снабжать армянскую партию Дашнакцутюн оружием в обмен на советскую позицию. Другими словами, ухудшать положение Турции, союзника Германии в Закавказье.

И все же, по Брестскому миру, в марте 1918 г. Россия уступала Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, а также Закавказье. Она же признала Украину независимым государством. Так, только с территориями Польши и Прибалтики от России отходило 26 % населения. То самое городское население России, на которое делали ставку большевики своими тезисами о диктатуре пролетариата и о мировой революции, ожидаемой с Запада, уменьшалось на одну треть. Это было население с основательными политическими движениями и партиями социал-демократического характера, с городским образом жизни. Большевики не вдумывались в истинную сущность природы пролетариата и капитала, чрезмерно идеологизировали ее интернациональность и, строго говоря, К. Маркс в этом мало повинен. А ведь в 1918 г. А.С. Изгоев в сборнике «Из глубины» писал, что «рабочее движение... в конечном счете, покоится на национализме», ибо оно само по себе «продукт буржуазного развития», основанного на «буржуазных началах государственного национализма и частной собственности», «охраняет интересы рабочих данной страны».

Несмотря на подписанные условия Брестского мира, большевики инициировали появление Донской, Таврической, Уральской, Кубано-Черноморской, Ставропольской, Северокавказской, Терской, Туркестанской и им подобных республик.

* * *

Что же происходило в этот период на территории страны, весьма условно весной 1918 г. ими контролируемой?

С одной стороны, большевики стремились закрепиться в городах. Этим и объясняется появление ряда республик как формы областной автономии, не содержащих в себе национально-государственных оснований. Они упомянуты в первой советской Конституции и интерпретированы как отношение к Советской власти, а точнее – к центру, приверженности и связи с ним. В них классово-интернационалистскую доктрину они и начали реализовывать. Советской историографией это преподносилось как «триумфальное шествие Советской власти».

С другой стороны, за пределами городов крестьянство слабо интересовалось, что в них происходило, и усиленно делило и захватывало землю, дезертировало из армии. В условиях отсутствия реальных органов власти в деревне нарастал хаос. Ряд губерний начинал голодать, другие сидели на излишках хлеба. Деревня быстро опускалась на дно примитивной анархии, ибо конфискации, грабежи магазинов и разорение помещичьих усадеб дали в руки крестьянства какие-то средства, которые они начинали проигрывать в карты и пропивать. «Ломают все так, – писала газета «Рязанская жизнь», – что треск идет по всему уезду».

Брестский договор подверг сомнению и краеугольный тезис большевиков о том, что «пролетариат не имеет отечества», и их надежды на мировую революцию. Даже неподалеку от Кремля правительство Московской области объявило федерацию 14-ти губернских Советов. Оказалась очевидной потребность населения не только в территориальном самоопределении, но и национальном. Оно оказалось актуально не только для западных нерусских народов, но и для русского. Не только в Московской, но и в других областных республиках русские были или большинством населения, или крупнейшим этническим компонентом.

Аналогичный мотив был и у Белого движения, спасавшего «единую и неделимую Россию» как государство, созданное русским народом.

Исключением стала Автономная область немцев Поволжья (Трудовая коммуна области немцев Поволжья).

Вдумаемся в мотивы, подвигнувшие большевиков на создание этой автономии летом 1918 г. Ее выделяют из целого ряда внутрироссийских региональных республик, созданных в 1918 г. В чем здесь дело? Почему именно немецкая автономия?

На немецких колонистов, живших замкнуто, влияние большевиков, даже к лету 1918 г., было минимальным: колонисты жили в своих фольварках обособленно и даже не стремились к овладению русским языком. В ходе переговоров в Брест-Литовске германская сторона потребовала признания их германскими эмигрантами и права установить протекторат над ними. Требование советская делегация отвергла. Но проблема обозначилась со всей очевидной опасностью. На территории только Российской Федерации даже по переписи 1926 г., после значительной эмиграции, немцев оставалось не менее 700 тыс. Германские войска

оккупировали значительные территории, не столь отдаленные от основного массива проживания российских немцев на Волге, от территорий, охваченных турецкими движениями с далеко еще не лояльным отношением к Советской власти.

С немалым трудом был достигнут компромисс: пожелавшим сделать это российским немцам разрешалось покинуть Россию со своими капиталами и имуществом. Чем состоятельные люди не преминули воспользоваться. Но германская сторона продолжала дестабилизировать обстановку, разыгрывая идею создания самостоятельного государственного немецкого образования под ее покровительством. В этих обстоятельствах весьма вялые обсуждения самими колонистами вопроса о создании федерации национальных районов, в которых они проживали, и не только в Поволжье, были спешно трансформированы в идею областной автономии, но на национальной основе. Своими действиями большевики не скрывали, что стремятся перехватить германскую инициативу, добываясь лояльности колонистов. Они срочно запретили там различные конфискации, даже хлеба, с лихвой, впрочем, восполненные позже. Так удалось пресечь опасные «германские поползновения».

В октябре 1918 г. было создано автономное немецкое образование на «трудовой основе», то есть с властью большевистского образца. Впрочем, к тому времени в Германии разразилась Ноябрьская революция, что дало повод большевикам денонсировать Брестский мир. Но ликвидировать немецкую автономию внутри России, пусть и на «трудовой основе» созданную, уже было невозможно. Так был создан прецедент превращения этнических территорий в федерацию советских республик.

* * *

Как видим, весьма скоро обстоятельства сложились так, что начинать выстраивать федерацию советских национальных республик пришлось на той территории, которая и сегодня считается собственно Российской Федерацией. При этом – с народами, социокультурные возможности которых гораздо слабее, чем у народов западных окраин, на которых декларирование федерации было рассчитано.

Но и на условно контролируемых большевиками срединных территориях аналогичные процессы стали требовать неотложного решения. Взять хотя бы тюркские народы, которые составляли, по переписи 1897 г., почти десятую часть населения Российской империи. Движения охватывали не только окраинные, но и внутрirosсийские народы (около 3 млн татар, около 4 млн казахов, 0,7 млн башкир), а также народы Средней Азии, часть народов Северного Кавказа и Азербайджана, отнюдь не малочисленные.

Национальные движения среди них имели длительную историю и достигли своего апогея к 1917 г.

Они прошли «национально-демократический» этап: с конца XIX в. до революции 1905 г. Лейтмотивом его были идеи возрождения тюркских народов на основе образования, просвещения, подъема культуры на родных языках. Большое внимание отводилось равенству и паритету культур и интересов тюркско-мусульманских и славяно-христианских народов в развитии России. Модернизаторский вызов времени и в этих средах хотя бы лидерами движений, как видим, был воспринят и начат поиск национальной аранжировки ответов на него. Правда, у разных народов была разная социальная и культурная для этого база. Идеолог направления Исмаил-бей Гаспринский писал в конце XIX в.: «В будущем,

может быть, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы»².

Посеяв семена своих идей в сознании народов, тюркские движения трансформировали их в идеологию, которая составила «социально-демократический» этап, продолжавшийся с 1905 по 1919–1920 гг. Ее основой стал лозунг самоопределения наций. В него включались призывы к созданию независимых тюркских государств, к национально-территориально-государственному федерализму (в масштабах России или ее части) или к национально-культурной автономии.

С отпадением западных территорий и крупных народов, их населяющих, и на фоне развивающегося по стране Белого движения тюркские движения переместились на более значимое место в политическом спектре противоборствующих сторон.

Консолидирующим фактором тюркских движений был ислам, втягивающий в свою орбиту не только тюрок. Он стал важной политической силой с не менее серьезными мобилизационными возможностями, чем классовая доктрина большевиков. Для многих вдохновляющим примером служил опыт создания из разваливающейся Османской империи Турецкого национального государства под руководством Мустафы Кемаля (Ататюрка). Знакомству с ним отводилось немалое внимание. И под крышей ислама начиналась борьба традиционалистских и революционных сил.

В резолюции I Всероссийского мусульманского съезда в мае 1917 г. говорилось, что «наиболее отвечает интересам мусульманских народов... демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах». Национальное собрание мусульманских народов в Уфе в ноябре 1917 г. приняло

резолуцию о подготовке «создания особого тюрко-татарского Идель-Уральского автономного штата с очень широкими правами как этапа к самостоятельности в случае невозможности сожительства с Россией». В программе казахской партии «Алаш-Орда» провозглашалось: Россия должна стать «демократической федеративной республикой». Даже в далекой Якутии, слабо вовлеченной в общетюркское движение, сформировался Союз федералистов Якутии.

Несмотря на множество течений и взглядов, в канун декларирования большевиками принципов государственного переустройства России во многих национальных движениях весьма существенное место занимали идеи демократического федерализма. После выхода публикации Н.В. Святицкого «Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание» Ленин в тексте ее внимательно исчисляет число голосов, выделяя среди 36 млн участников голосования тех, чьи голоса (свыше 2 млн) отданы за национальные партии и движения.

Свою лепту в усложнение ситуации внесли и страны Антанты, которые на окраинах бывшей империи поддержали национальные правительства.

В Армянской народной республике к власти пришла партия «Дашнакцутюн». Англия стремилась обеспечить свои интересы на Среднем Востоке и в районе проливов Босфор и Дарданеллы, поэтому она не могла оставаться безучастной к распаду ни Османской, ни Российской империй. Мустафа Кемаль, создавая на обломках Османской империи Турецкое государство, чрезвычайно ловко привлек на свою сторону Россию. Он заявил о близости своего мировоззрения с большевистским, главным образом в отношении к перспективам развития мировой революции на Востоке. В реальности же его интересовало возвращение Турции армянских вилайетов (районов), занятых еще в 1915 г.

российскими войсками после трагических Ванских событий, когда свыше 1,5 млн армян турки вырезали или изгнали из мест своего проживания. Это был беспрецедентный в новой истории факт национального геноцида, который продолжался и после 1917 г. Армянский комиссариат Наркомнаца подготовил декрет Совнаркома «О Турецкой Армении», из текста которого следует, что Россия заняла армянскую позицию.

Однако мечты «раздуть пожар мировой революции» на Западе уже в 1918 г. развеялись. Большевики с энтузиазмом стали раздувать его теперь на Востоке. Несмотря на трагизм армянской ситуации, они предпочли увидеть в Кемале союзника. Поддержав его, они вызвали к себе крайне негативное отношение армян. В реальности обе стороны – и российская, и турецкая – спасали собственную власть. Однако это создавало чрезвычайно трагическую ситуацию для армян. Они были вынуждены бороться и с большевиками, стремившимися насадить свой режим, и с турками, занявшими интересующие их территории. Антанта в такой ситуации поддержала армян, однако собственные интересы вскоре взяли верх. Это позволило большевикам, опираясь на помощь турецких войск, установить свой режим в декабре 1920 г. в Армении, а весной 1921 г. – в Грузии.

* * *

Но в 1919 г. ситуация для большевиков складывалась крайне неблагоприятно. Набирало силу Белое движение, стремясь восстановить Россию как русское «единое и неделимое» государство. От Финляндии до Закавказья создавались национальные государства, не признававшие власть большевиков. Но и региональные автономии внутри России оставили

достаточно свидетельств о собственных попытках переустройства жизни. Они проявляли и сепаратизм, и противодействие ряду начинаний центра. Руководство этих республик присваивало себе широкий спектр прав и юрисдикции. Известна и попытка выхода Кубано-Черноморской республики из состава РСФСР. Такие республики возникали, как правило, по соседству с не признавшими Советскую власть правительствами. На Северном Кавказе было сформировано правительство Чермоева и Бамматова. Во Владикавказе – Терско-Дагестанское правительство. В августе 1918 г. в Казани была свергнута Советская власть и создано правительство «Забулачной республики». Имелось Национальное собрание мусульман России и Сибири, Кокандское правительство в Средней Азии во главе с М. Тынышбаевым и М. Чокаевым, Временное правительство Архангельской Карелии, Центральный бурятский национальный комитет, Алтайская горная дума. В Крыму – краевое правительство во главе с выходцем из польских татар М. Сулькевичем, впоследствии расстрелянным большевиками в Баку. В Казахстане – правительство «Алаш-орды», созданное в 1917 г.

Конечно, эти правительства – и региональные, и национальные – далеко не в полной мере контролировали территории, на которых сформировались. Но сами территории были обширными и важными в том смысле, что располагались вблизи от районов, занятых белыми. В Хиве власть всего лишь перешла к правительству Джунаид-хана, а в Восточной Бухаре до осени 1920 г. еще правил Саид-Алимхан. Их разгром красногвардейцами на непролетарских и нерусских окраинах создавал сложную психологическую обстановку.

Такая пестрая картина способствовала тому, что в процесс самоопределения втягивались и народы, чьи

возможности явно были ограничены реальным социально-экономическим и культурным уровнем, да и самой численностью населения. И хотя субъекты столь глубокого переустройства своей жизни и судьбы находились в разной степени готовности, их вдохновляла прекрасная идея, которая для более подготовленных обретала зримые контуры. Ярко выразил чувства многих Султан-Галиев, когда его впервые арестовали. 23 мая 1923 г. он пишет автобиографический очерк «Кто я?» и адресует его членам Центральной контрольной комиссии при ЦК РКП(б), а также Сталину и Троцкому: «Всю жизнь я стремился к свободе. Но всю жизнь я чувствовал себя рабом... Я чувствовал себя “свободным” лишь во время Октября и в первые годы революции...»³

Каждая политическая сила стремилась перетянуть на свою сторону народные массы, используя их недовольство положением в бывшей империи, добиваясь лояльности.

Психологически народы были более склонны поддержать национальные политические силы как «свои», однако сами лидеры, не признавшие большевиков, становились невольными союзниками Белого движения. Оно же не сдавало жесткой позиции относительно «единой и неделимой». Белое движение отталкивало национальные политические силы, отказываясь в большинстве случаев даже обсуждать с ними эти проблемы.

Оставались большевики со своим принципом «права трудящихся масс» решать вопрос о самоопределении. Объективно это вносило свою лепту в братоубийственное истребление, охватывающее народы и регионы. Но оно не стало осознанным противостоянием русских нерусским и наоборот, хотя и нельзя отрицать весьма жестких коллизий (конкретные примеры мы еще приведем). Этим коллизиям вполне

способствовала, особенно на окраинах, инверсия идеи «классового врага», дающая простые ответы на сложные вопросы. Она легко формировалась в традиционном обществе массовым сознанием, опирающимся не на анализ и знания, а на инстинкты.

После отпадения западных территорий национальные движения внутри России, при всем разнообразии и множественности, не стали самостоятельной политической «третьей» силой в борьбе за власть. Это с очевидностью вытекает из этнокультурного и социального расклада. Они представляли интересы слишком разнородных культурных и социальных организмов. Потому и могли лишь примыкать к одной из противоборствующих сторон. Народы России, вопреки пророчествам и ожиданиям, хотя и не стали на тропу войны друг с другом, но продемонстрировали свой интерес к революционному изменению взаимоотношений и связей с центром, который в новом обличье заявил себя в качестве малопонятной им интернациональной субстанции.

Большевикам, учитывавшим упорство Белого движения в отношениях с национальными движениями, с огромным трудом, но удалось расколоть политическую верхушку национальных движений, выделить в них леворадикальное крыло. Они пытались направить его в русло классовой борьбы. Наиболее ярким представителем этого крыла стал М. Султан-Галиев. Он выступал, с одной стороны, за «рабоче-крестьянскую», но «Татарскую республику». С другой же, ратовал за то, чтобы «красноармейцы-татары» разносили «красное знамя классовой борьбы» по всем странам Востока. Он выдвинул концепцию «мусульманского коммунизма» и стал председателем Чрезвычайной комиссии по восстановлению мусульманских пролетарских

организаций и борьбе с контрреволюцией среди мусульманского населения в пределах Поволжья, Приуралья и Сибири. Большевики создали при Наркомнаце мусульманский комиссариат, чтобы вписать освободительное движение мусульманских народов в рамки коммунистической доктрины. Когда Султан-Галиева арестовали уже в конце 1920-х гг., он попытался так объяснить основы своей теории: «Коммунизм, по моему анализу и в новом понимании, рисовался мне как новая и прогрессивная на первое время форма европейского национализма, понимая под этим политику консолидации и объединения материальных и культурных сил народов метрополий под эгидой пролетариата».

Но нельзя не заметить и некоего прагматизма в его поведении. Зарубежные исследователи А. Бенигсен и Ш. Лемерсье-Келькеже заметили, что Султан-Галиев хотел «воспользоваться анархией, в пучину которой скатилась Россия, и тем, что большевикам во что бы то ни стало необходимы союзники для неизбежной в будущем борьбы, чтобы вырвать у руководителей новой России, в первую очередь у Сталина, уступки как теоретические, так и практические». Те же авторы отмечают, что союз большевиков с мусульманскими лидерами Сталин полагал «только временным» и этот союз с необходимостью должен был закончиться «кровавой ликвидацией партнеров».

Это важное наблюдение, характеризующее обе стороны, нужно все же отделять от сознания массового, для которого идеи самоопределения представляли собой неясный механизм обретения национальных прав и свобод. Мусульманские воинские подразделения, организованные и Султан-Галиевым, и башкирским лидером З. Валидовым, действовали с энтузиазмом на

своей территории и до тех пор, пока их народы не получали автономию.

А разве украинские крестьяне в большинстве своем вели себя иначе?

* * *

Есть еще одна особенность Гражданской войны.

До сих пор в ней не учитывается специфика психологии автохтонного и неавтохтонного населения. Огромное число жертв списывается на счет русско-нерусской конфронтации. Слишком «лоскутным» одеялом оказалась этническая структура страны и в ходе реформ, и в ходе революций, когда в преимущественно русский город началось переселение маргинальных слоев из разных культурных цивилизационных зон. Не найдя себя в городе, маргиналы оказывались на его дне и становились добычей радикалистских теорий и обещаний. Они привлекли особое внимание большевиков практически сразу же после взятия власти. Из них-то и формировались интернациональные (магьярские, латышские, эстонские, китайские и т.д.) полки. Они подавляли сопротивление сторонников и Белого, и национальных движений. К лету 1920 г. интернациональные соединения Красной армии насчитывали около 250 тыс. бойцов.

Психомотивационные установки и социокультурные возможности нищих и обездоленных слоев укрепляли большевиков в приверженности к праву на эксперимент над населением, который традиционен для России. В этом смысле они ничем не отличались от самодержавного бюрократического аппарата. Огромную подпитку эта установка получала и от собственных мировоззренческих постулатов, и особенно – диктаторских способов их реализации. Эти способы,

казавшиеся, что удивительно, большевикам оригинальными, на самом деле роднили их с той властью, с которой они долго боролись. На самом деле они разрушили прежние структуры власти, не изменив ее природы, рождающей планы и программы «переделки» человека, и не замечали, что именно против этого человек и взбунтовался.

Это хорошо иллюстрируют и вышеприведенные мотивы восприятия центром попыток переустройства страны «снизу», в которых для него оказывалось важнее найти механизм взаимодействия в целях удержания власти на конкретных территориях. Этот же мотив довлеет и в попытке устройства первой автономии национального типа в 1918 г., когда истинные потребности населения в этой автономии для большинства «устроителей» ее отходят на второй план, более того – не интересны вовсе. Так скоро восстанавливается, в сущности, прежнее восприятие и понимание как национальных, так и государственных интересов, их подчиненность интересам власти как самодостаточным.

Об этом говорит и проект создания Татаро-Башкирской республики. Весной–летом 1918 г., особенно энергично – после мятежа Чехословацкого корпуса и во время наступления Народной армии и чехословаков, Сталин участвует в создании Татаро-Башкирской республики с помощью «рабоче-крестьянских революционных масс», утверждая, что обладает «общей схемой ее организации», по собственным оценкам, «метко очерченной». Он быстро охладел к этому проекту, как только наступление врага было отбито.

Сталин пытался создать совместную автономию двух близких в языковом и конфессиональном отношении народов, живущих неподалеку друг от друга. На самом деле, его интересовали мусульманские военные

формирования, которые были не прочь объединиться с белыми: оренбургскими казаками атамана А.И. Дутова, чуть позже – войсками А.В. Колчака. Нарком по делам национальностей не брал во внимание то, что родственность языков и вероисповедания хотя и способствуют ассимиляционным процессам, но не уменьшают их болезненности. Даже в спокойные периоды жизни они вызывают негативные реакции. Революционные процессы лишь усиливают их. Сама обстановка давала мало оснований для взаимопонимания. Башкиры пользовались более развитыми культурными татарскими структурами: получали образование в Казани, пользовались татарским как более развитым языком. Но за всем стояла основная цель: подтянуть и свой язык, и уровень его развития, и состояние собственных культурных средств, по крайней мере, к уровню соседей, татар, но вовсе не жертвовать ими. Давление хотя и родственной, но иной культуры болезненно. Имперское сознание такие «мелочи» не принимает в расчет.

Если бы Сталину удалось провести свое намерение в жизнь, то трудно гадать, помогло бы это добиться главной цели – удержать власть. Напряжение, существующее в политических элитах, отстаивающих «самость» родной культуры, и их соперничество углубились бы в толщу народов, как позднее это происходило во взаимоотношениях финской диаспоры с карелами, якутов с эвенками и т.п. Сталин даже не задумался об этой стороне дела. И уже совсем не важным для него было то, что строй культурных структур и характер их использования оседлым народом, каким издавна были татары, и башкирским, которого так и не сумела полностью перевести на оседлость царская власть, хотя и прилагала к тому значительные усилия, были разными. При игнорировании объективных

факторов изначально деформируется путь к осознанию, формулированию и удовлетворению национальных интересов.

Понятно, что такие «детали» важны для политика, который стремится опереться на механизм национальных возможностей соответствовать требованиям времени. Но большевистского наркома по делам национальностей с самого начала раздражало чрезвычайно разнообразие этнической палитры России. Уже в первых его выступлениях, в его политической риторике весьма ощутима унификаторская лексика. Он употребляет слова «сарты Сибири и Туркестана», чрезвычайно обидные для среднеазиатских народов, или «чеченцы и горцы Кавказа». Было откуда появиться современному термину «лица кавказской национальности»! Ни один правитель России, и даже будущий «классик» национального вопроса, никогда не знали в деталях этническую структуру страны и не придавали особого значения необходимости таких знаний. Но Кавказ-то Сталин знал неплохо. Знал, что отличиям одного народа от другого там придают огромное значение, и отнюдь не для того, чтобы враждовать и воевать, а для того, чтобы не задевать по пустякам друг друга: на небольших пространствах теснилось огромное количество этносов. Он, конечно, хорошо знал, что чеченцы – тоже горцы Кавказа. В этих словосочетаниях отражаются фрагменты его мировидения, истинная подоплека «федерирования» России. Уже в апреле 1918 г., занимаясь созданием Татаро-Башкирской республики, он был уверен, что «увлечение федерализмом не оправдывается историей». В интервью «Правде» он рассматривает федерализм как призванный всего лишь «сыграть переходную роль к будущему социалистическому унитаризму». При таком мировоззрении, и в самом деле, ни татарская, ни

башкирская, ни чеченская, ни «горская» специфики не важны.

Ментальность наркома по делам национальностей предопределила и специфику работы руководимого им наркомата, и его деятельность на фронтах Гражданской войны. Она была свойственна многим большевикам. Так, С.М. Киров, реагируя на чрезвычайно болезненную реакцию армян на планы отдать Нагорный Карабах Азербайджану в 1920 г., сказал, что ему все равно, где будут проходить границы между Азербайджаном и Арменией, лишь бы там была Советская власть.

Однако рассмотрим «метко очерченный» сталинский проект с точки зрения сохранения целостности страны. Ее территорией объявлялись земли Южного Урала и Среднего Поволжья, простирающиеся от всей Уфимской губернии, башкирских частей Оренбургской, Казанской (за исключением мест, заселенных чувашами и мари), а также мусульманских частей Пермской, Вятской, Симбирской, Самарской губерний. Любопытно, что выделяемая к автономии территория практически совпадала с той, которая предусматривалась проектом создания Идель-Уральского (Волжско-Уральского) автономного штата со столицей в Казани. Это – огромная территория, заселенная и русскими, и почему-то подзабытой 1,5-миллионной мордвой. Но важнее то, что она вплотную примыкала к местам проживания почти 4 млн тюрко-язычных казахов-мусульман, а далее тюрков Средней Азии – узбеков, киргизов и туркмен по меньшей мере.

В крайне сложных исторических обстоятельствах реализация этого проекта несла огромную угрозу целостности России. Еще фактически отсутствовал контроль над территорией Сибири, Средней Азии и Казахстана, если не считать большевистского островка-форпоста в виде Туркестанской республики.

Параллельно развивалась интрига германского командования в Брест-Литовске. Огромная, предлагаемая к автономизации, пусть и на «рабоче-крестьянской» основе, территория разделяла бы Россию на две части. Как бы негативно ни воспринимались ассимиляционные процессы внутри родственной группы крупных народов, искусный политик сумел бы их смягчить: ведь он получал колоссальные ресурсы в виде обширной территории. К тому времени мусульманский фактор уже продемонстрировал не меньшие мобилизационные возможности, чем классовый. Потому-то так спешно и понадобился Султан-Галиев со своей концепцией «мусульманского коммунизма».

Вскоре и Ленин подробно заинтересовался этим проектом. И охладил энтузиазм сторонников создания совместной татаро-башкирской автономии.

* * *

Надо признать, что из большевистского руководства Ленин оказался наиболее расположен к диалогу. После Бреста он понял, что в реальной жизни нужно иметь дело с реальными субъектами политического процесса. Он лично встречается или ведет прямые переговоры с лидерами «Алаш-Орды» Х. и Ж. Досмухаммедовыми, А. Букейхановым, Х. Аббасовым, А. Ермаковым, А. Байтурсуновым, татарским деятелем И.Я. Гунтулом, башкирским – З. Валидовым, осетинским – А. Цаликовым, а также Ж. Жамцарано, Романо, Хамбо, Э.Д. Ринчино, Джурабаевым – калмыцкими и бурятскими деятелями, идеологами панмонголизма, выслушивает их доводы и аргументы. Султан-Галиев с ревностью пишет ему 27 августа 1919 г.: «Крайне обидно, что руководители революционного движения мусульман внутренней России после смерти Муллачура

Вахитова не удостоиваются приема с Вашей стороны, тогда как к Вам имеют свободный доступ мусульманские националисты (З. Валидов, Баракатулла, Муса Бигиев и другие)... Я имею больше права на это, чем З. Валидов, М. Бигиев и другие».

В 1918 г. Ленин уже понял роль национального фактора. Но в его реакции на события 1918 г. еще нет склонности к созданию нерусских автономий как к специфическому механизму взаимодействия власти с нерусским населением, осознания того, что через него эффективнее транслируются политические цели революционного преобразования общества. Большевики начинают вводить лояльные этнические элиты в структуры центрального аппарата управления, главным образом – образования и культуры, превращать их в проводников партийных планов⁴. Не желающие сотрудничать – эмигрируют. Без них национальные движения ослабевают, вырождаются в мелкие группы или уголовные банды, как, например, на Украине, на Северном Кавказе, в Средней Азии.

На этом фоне большевики и в 1919–1920 гг. продолжали воспринимать национальный вопрос как «переживание старого режима». Они полагали, что при диктатуре пролетариата он «попросту отпадает», правда, в реальности пока еще для нерусских народов «все русское – китайская грамота».

Поэтому они вынуждены «определить свое отношение к языку» как к средству донесения своих идей до народных масс.

3 июля 1919 г. состоялось совещание членов ВЦИК, Государственной комиссии по просвещению, Наркомпроса, Наркомнаца, наркомов просвещения советских республик и других представителей с мест. Посвящено оно было проблемам языка и просвещения, председательствовал на нем замнаркома просвещения

М.Н. Покровский. Развернулась дискуссия. «Никаким декретом, – говорилось в основном докладе, – нельзя осуществить объединение языков». Даже если «отбросим мелкобуржуазное представление о родном языке как о нити, связующей носителей данного языка с их предками, вытекающее из идеи единства и преемственности народа-личности, если оставим в стороне интимные чувства субъекта к языку, который он считает родным, дорогим и близким», то все равно родной язык – «это орудие... мышления, форма, в которой выявляются чувства и воля». Задача, стоящая перед властью, виделась в приоритете классового фактора, в заботе «об исключительно трудовых, самых низко стоящих на социальной лестнице масс... хотя бы по чисто политическим соображениям».

По ходу дискуссии был поставлен вопрос: нужно ли переводить колоссальное культурное наследие «еще на один лишний язык»? Родилось предложение провести «смотр всем народам», чтобы решить, «какой народ настолько оформился культурно, что дальнейшее его развитие в формах его национального языка неизбежно, как, например, русский народ, и какой представляет из себя *tabula rasa*, как целый ряд неписанных народов». Начала вырисовываться позиция, учитывающая реальный культурный потенциал народов.

Наметился подход: дать «разумное основание к объединению». В дискуссии главное внимание обращено на роль культуры. Основанием предложена «степень культурности», что для понимания причин разного реагирования народов на перемены времени в целом рационально. «Отчего, – задавались вопросы, – поляки должны сидеть в одном и том же отделе с ингушами, что общего между просветительной работой среди зырян и евреев? Ясно, что такое притягивание за волосы... искусственно». Признали слабую восприимчивость

населением к агитации: «Подступиться нет возможности, и эта реальность принимает особенно острый и живой характер».

Однако участники совещания давили и классовые приоритеты с жестким императивом реализации «коммунистических задач»: «В Советской России мы должны... стремиться к объединению всеми силами, поскольку это входит в наши задачи – коммунистические и интернациональные». И потому «самоопределение народностей потеряло свою остроту под влиянием событий политического характера, которые прежде всего заставляют думать о сохранении нас как представителей политического течения».

Энергия экстремизма все еще переполняла коммунистов. Они опасались ориентации на развитие национальных культур, ибо «национальности будут довольны к самим себе», и потому, считали, следует «немедленно, может быть, ввести один общегосударственный язык». Так идеалы замещались интересами, прагматическими соображениями при сохранении идеалистической риторики.

Предлагался «крутой, но единственный» подход: «для нас национальный вопрос не должен существовать». М.Н. Покровский заявил: «Для нас... “несть эллин, несть иудей”... На каком бы языке ни воспитывался человек, нужно применять один метод, одну меру вещей». Свои «коммунистические» задачи Покровский изложил точно, недаром он был в Наркомпросе партийным комиссаром. Заметим, что в 1918 г. Н.А. Бердяев писал: «Все вы, люди революционного духа, все вы культуроборцы... Вам многое нужно из орудий культуры для ваших утилитарных целей. Но вам ненавистна душа культуры... Вы хотите цивилизации, а не культуры... Ваш революционный бунт обнаруживает ваше творческое бессилие, вашу слабость и ваше ничтожество».

Покровский искренне полагал, что к середине 1919 г. уже началась «стадия коммунистическая, пролетарская» – «впадение всех ручьев, даже не славянских, в русское море». Назначив на июль это совещание и приглашая на него наркомов просвещения советских республик, разослали приглашения не только Украине, Белоруссии, Крыму, но Латвии, Эстонии и даже Венгрии. Открывая совещание, Покровский увидел, что приехали лишь представители Украины и Крыма. Недаром в ходе дискуссии высказывались осторожные мнения, усмотревшие в его позиции «презумпцию немножко русификаторскую».

На заседании 3 июля Покровский резюмировал: «...Общая теза такова, что всякая национальность имеет право учиться и создавать культуру на своем языке, извиняюсь за вульгарное выражение, сколько влезет. Прибавлять, заново творить мы, конечно, не будем, потому что коммунисты, потому что интернационалисты, потому что национальной культуре мы большого значения не придаем». Однако он согласился с тем, что «мешать самостоятельному развитию национальности мы не должны».

Резко выступали против позиции Покровского представители мусульман: «На востоке есть определенный народ, определенная культура, и нужно прислушиваться к голосам с мест... Основания надо искать не в книжке, а в жизни... В государстве, в котором мы хотели бы не только концентрировать, но и координировать свою деятельность, мы должны иметь определенную линию, и эта линия должна опираться на то, что интересует все народности в этом вопросе». Для нерусских народов «самый факт, что... центральная власть... начала всматриваться в вопрос просвещения национальных меньшинств, – это уже факт колоссальной важности». Отводя упреки в адрес нерусской

интеллигенции, преувеличивавшей, по мнению Покровского, потребность масс в развитии своих культур, подчеркивали: для тех, кто привык «мыслить социалистически, марксистски», «цель просвещения, несомненно, в Советской Республике должна быть 1) ассимиляция народностей в идеале, отнюдь не дифференциация. Затем, несомненно, одна единая общечеловеческая пролетарская культура», ибо «рабоче-крестьянское правительство и правящая партия не могут ставить себе... задачей поддерживать нации как таковые». Но надо же задуматься, призывали они, и над тем, что «социалистическая общественная жизнь мыслима только тогда, когда в этом строительстве принимает энергичное, активное участие... 99,9 % чувашей, мордвы, вотяков, черемисов, зырян и т.д. *infiniti sunt nomina cogit*». Только тогда «вы пробудите народное самосознание... тогда вы из этой массы в жизнь вольете все те зачатки возможностей и сил к строительству», но тогда придется признать, что родной язык необходим не только «как единственное орудие влияния на эту массу... Вы тогда должны будете признать непременно и индивидуальные особенности той или иной народности, вплоть даже до ленивого характера... и вы непременно должны знать, с какой стороны вы должны подойти к этой особенности в кавычках»⁵.

Дискуссия эта свидетельствует о мировоззренческих коллизиях и начале кризиса экстремистского поведения, ведущих к повороту от теоретико-абстрактных представлений о будущем народов к большему вниманию к деталям, реализму и трезвости в оценках.

* * *

Новую попытку утвердить интернационалистскую позицию большевики предприняли в августе 1919 г. на Всероссийском совещании работников просвещения народов нерусского языка. Присутствовали представители 17-ти народов, приехавших в Москву. Большинство подчеркивало, что единственными факторами развития национальных культур являются ее «внутренние силы», и требовали разграничить сферы деятельности центрального и национальных аппаратов управления, создать «федерацию комиссариатов просвещения» для развития культуры нерусских народов.

Оргбюро ЦК РКП(б) поддержало интернационалистскую позицию центрального аппарата. К концу 1920 г. только Наркомпрос располагал сетью национальных органов в 44-х губерниях, доходя в ряде их до уездного звена. Они снимали многие претензии о невнимании центра к уникальности культур народов. Но сила мощного давления с мест не ослабевала. Вопрос остался для партии дискуссионным. Уже первые месяцы работы показали, что национальные структуры центральных комиссариатов не столько адаптируют этнические среды к планам центра, сколько пытаются адаптировать центр к чрезвычайному этническому разнообразию населения и их реальным возможностям принять и освоить политические инициативы.

Созданные структуры оказались полезны, но недостаточны. Они не давали возможности народам подключаться в творческой манере к реализации планов преобразований ни центра, ни своих собственных. Требовался управленческий механизм с более широкой компетенцией, пользующийся доверием населения. С повестки дня не снимались требования реальной автономии в обмен на лояльность. Требования усиливались успехами развивающегося Белого движения, особенно в 1919 г.

* * *

Первой, по существу национально-государственной автономией в РСФСР, организуемой большевиками совместно с лидерами башкирского движения во главе с З. Валидовым, стала Башкирская автономная советская социалистическая республика.

В телеграмме Сталина от имени ЦК РКП(б) в феврале 1919 г. подчеркивалось, что «башкиры, безусловно, получают советскую автономию». Время отправки телеграммы совпадает со стремительным наступлением войск Колчака и растущей угрозой их объединения с войсками Деникина на Нижней Волге. Но Колчаку предстояло миновать башкирские территории. З. Валидов обращался к Колчаку, обещая поддержку в обмен на обещания автономии. Тот же твердо стоял на позиции «единой и неделимой России». Тогда башкирские части перешли на сторону Красной армии, помешав крайне опасному для судьбы Советской власти сложению сил Белого движения – хотя и трудновыполнимого, но все же возможного. Однако в обмен они потребовали автономию для народа.

История России тем и интересна, что на принятие судьбоносного решения часто оказывают влияние силы, не самодостаточные, но вполне способные тем не менее влиять на ее судьбу. С точки зрения логики политического реагирования и поведения, провозглашение Башкирской автономной республики – поворот не менее значимый, чем последовавший вскоре отказ от политики военного коммунизма. Ирония истории такова, что, когда доктринеры получают власть, им приходится делать нечто противоположное тому, что предписывают постулаты их идеологии. Сказалась тактическая гибкость Ленина, выказывая его реальным

политиком, склонным в сложных условиях вслушиваться в жизнь, отличающаяся от его теоретических, «книжных», как иронически заметила М.А. Спиридонова, представлений. В сходных условиях угрозы отсоединения Карелии к Финляндии центр провозгласил и Карельскую трудовую коммуну как автономную область.

И на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 г. Ленин говорил: «Мы дали автономию Башкирской республике. Мы должны создать автономную Татарскую республику и ту же политику продолжаем по отношению ко всем восточным народам». Дарование автономии в обмен на лояльность уже не рассматриваются им как тактический маневр. Однако еще на VIII съезде партии он увидел, с каким трудом делегаты вникали в его аргументы о необходимости осваивать сложность национальной проблемы, отдавая предпочтение интернационалистскому подходу. Развязывание острых ситуаций предоставлением автономии создавало прецедент в виде, как позже высказался А.В. Луначарский, «длинного каравана» народов. Ленин, как руководитель центрального правительства, попадал в трудную ситуацию. Политик в кризисный момент избегает создания дополнительных структур власти, объективно имеющих иной ракурс зрения на общественно-политическую ситуацию и свои рецепты ее оптимизации, ибо они мешают концентрировать властные механизмы и эффективно использовать их возможности.

Ленин наконец-то увидел и большее: в партии и в правительстве трудно усваиваются истинное содержание реальных общественных процессов, их многослойность, многосложность, взаимозависимость. В психологии приведенных им к власти людей мало значит важность обретения политического инстинкта самосохранения.

Он-то им лично овладел в совершенстве. В воспоминаниях С. Диманштейна описано отношение советских и партийных работников к Башкирской автономии: «Мне помнится такой эпизод: как работник Наркомнаца, я был тогда... в ЦИКе [Речь идет о приказе № 1 Башревкома о вступлении его в непосредственное управление Башреспубликой от 26 августа 1919 г. – Т.К.], со мною были И. Алкин и еще один из башработников (Бикбавов). Тов. Лутовинов (он был, кажется, тогда секретарем ВЦИК) сказал им такую фразу: “Вам позволяют играть в бирюльки, а вы воображаете, что вы самостоятельная Башреспублика”. Я увидел на лицах этих националов невероятное изумление, они не ожидали таких рассуждений со стороны официального лица, считая их противоречащими всей нашей работе среди национальностей. К сожалению, такое суждение было свойственно тогда далеко не одному Лутовинову, но также и части работников, имевших отношение к башкирским делам того времени»⁶.

Например, рабочий из Иваново-Вознесенска откровенно писал в ЦК РКП(б) Я.Э. Рудзутаку и М.П. Томскому в октябре 1920 г.: «Я никак не могу себе представить, какая может быть польза от меня в каком-нибудь Баронске, Вольске, Сарепте и т.п., где нет пролетариата и промышленности, где говорят на немецком языке в 99 %, какие пролетарские таланты следует проявить в подходах к немцу-колонисту... да и тем более не зная их языка». Причисляя себя к «боевой старой рабочей гвардии», он не скрывает обиды на то, что его направляют в «немецкую дыру», и угрожает: туда его «Оргбюро сможет послать только под конвоем». Но конвой-то как раз и не был проблемой. Только в сентябре–октябре 1921 г. в национальные районы было направлено 1 357 коммунистов. Роль конвоя успешно выполняла партийная дисциплина.

В 1920 г. были созданы Татарская и Киргизская автономные советские республики, Чувашская, Марийская, Вотская, Калмыцкая автономные области. В 1921 г. – Коми автономная область, Горская и Бурят-Монгольская АССР. Была установлена Советская власть на Украине, Белоруссии, Закавказье. Позже Султан-Галиев образно подвел итоги: «Ради того, чтобы быть у власти, можно идти на все, вплоть до того, чтобы в этой власти совсем не иметь власти». Ради чего? – спрашивает он и сам же отвечает: ради «призрака власти».

Лишь Польша и Финляндия сумели сохранить независимость и создать национальные государства.

**Русские:
между молотом имперства
и наковальной права наций на самоопределение**

«Ни история, ни современное правосознание не знает такого правила: сколько народов, столько государств», – твердили все его противники, но Версальский мир в 1919 г. выкроил границы новых государств из бывшей Австро-Венгрии, опираясь на этот принцип.

Народы России были рассеяны и укоренены на необозримых просторах, начинался процесс перемешивания их друг с другом. Создаваемые в 1918–1919 гг. национальные автономии – это островки в бушующем море русской стихии. Но в факте предоставления первых национальных автономий Ленин увидел более эффективный способ умиротворения народных масс, ключ к их лояльности и способ раскола политических противников, чем интернационально-классовое поведение, им изобретенное и реализуемое кровавой диктатурой.

Задумавшись, как практика реализации права на самоопределение была воспринята ядром бывшей империи, ее основным этносом – русскими? Никто народ прямо об этом не спрашивал. В литературе, современной событиям, выражено негативное отношение к прежнему принципу государственного устройства России как государства, созданного русскими. Это как бы подразумевало и отношение народа к проблеме. И выборы в Учредительное собрание свидетельствуют: пришедшее на выборы население не поддержало партии, для которых оставался незыблемым лозунг «единой и неделимой России». Правые партии и группы потерпели неудачу. Большинство голосов было отдано партиям социалистической ориентации как альтернативе существующему порядку.

Многочисленные данные отражают участие русского пролетариата добровольно и искренне в строительстве нерусских автономий. Понимая, что они тщательно отобраны, нет оснований, тем не менее, игнорировать их важность, равно как учитывать и то, что существовавшие ранее табу не позволяли исследователям пристальнее взглянуть в национальный и социальный спектр этого пролетариата. Хуже оказалось, когда запреты сняли. Но мы не встанем на позиции тех, кто сосредоточился на расшифровке фамилий и псевдонимов работников партийного и государственного аппаратов, выявляя «происки» одного «малого» народа. В аппарат шла возгонка кадров, в том числе и из рабочих слоев. Этот спектр социально и этнически разнообразен: здесь и русские, и еврейские, и армянские, и латышские, и польские, и эстонские, и татарские, и иные фамилии.

Известны выступления мотовилихинских, петроградских, тульских, екатеринбургских, нижегородских, астраханских рабочих, негативное отношение рабочих к новой власти, факты их расстрела и

т.п. Рабочие сопротивлялись насилию и грубости большевистской власти, ее террористической политике, что выводит за скобки их отношение к национальной проблематике. Но и областные автономии появлялись в местах концентрации русского рабочего класса.

Отношение разных социальных слоев русского народа к идее самоопределения народов и ее реальной практике принимало интернациональные (национально-религиозные), охранительные и бунтарские формы. На восприятие происходивших событий влияли место и длительность проживания, реальные межнациональные отношения, которые всегда конкретны и определяют степень адаптационных усилий, прилагаемых сторонами, чтобы сообща уживаться. В силу сравнительной молодости русского рабочего класса и его плохой образованности, осознанный интерес к материальным ресурсам автономизируемой территории не играл значительной роли. Крестьянство же фактор материальных ресурсов (земля) мог задевать весьма чувствительно.

Сравнительно терпимое отношение к создаваемым автономиям в рабочей и в крестьянской средах было обусловлено главным образом тем, что русское население было православно воспитанным, нетребовательным. Оно разрешало для себя проблему тем, что важное для него единство норм и этических установлений вполне может быть интерпретировано на разных языках и разными институциональными формами.

Русский человек к этому, в сущности, всегда относился достаточно индифферентно, и разрешение этих вопросов передоверял власти. Таким был его характер, над которым изрядно потрудились православная идеология. Это достаточно подробно описано многими русскими философами XIX–XX вв. и

блестящей русской литературой. И самодержавие, и церковь слишком мало заботились о развитии национального самосознания. Уже в ходе буржуазно-либеральных реформ они не сумели найти ему должного применения. Потому-то такие важные черты характера, как запас воли (каким обладали народы главным образом протестантского толка), неукротимая энергия, очень большая инициатива, абсолютное самообладание, неравнозначное терпению, чувство личной независимости, могучая активность, живучие религиозные чувства, стойкая нравственность, ясное представление о долге, не были развиты в достаточной степени.

Психолог Г. Лебон, чьи книги – неперенный атрибут библиотек различных императоров, министров и, конечно, революционеров (и Ленина!), выявил эти черты как играющие огромную роль в освоении народами цивилизационных новшеств. Он отмечает наличие у протестанта здравого рассудка, позволяющего схватывать практическую и положительную сторону вещей и не блуждать в химерических изысканиях, очень живое отношение к фактам и умеренно-спокойное к общим идеям и религиозным традициям. К этому комплексу черт характера он добавляет оптимизм человека, жизненный путь которого совершенно ясен и который даже не предполагает, что можно выбрать лучший. Нечего и говорить, сколь отличным был характер русского человека на этом фоне характерологических черт, которые и обеспечивали как успех революционных процессов, так и связанных с ними технологий.

Выделение нерусских территорий и создание в них автономных механизмов власти требовало рационального и прагматического отношения.

В русском характере таковые черты, безусловно, имелись, но не так развиты, и потому русский человек был чрезвычайно искренним, слишком восприимчив к впечатлениям окружающей среды, чтобы остаться в стороне от властных противоборств, ибо слишком зависим от власти. Он не сумел вкусить и оценить значимости личной свободы. Он почти не замечал иллюзий, жертвой которых являлся. Давно замечено преобладание иррационального и эмоционального в русско-православной ментальности, недостаток рационализма и прагматизма, характерных для ментальности западноевропейской.

Вместе с тем православие привило русскому человеку достаточно точное представление о нравственности. В ней синтезируются сложные чувства, а главное – наследственное уважение к правилам, на которых покоится существование общества. «Русские бунты, бессмысленные и беспощадные», равно как и революции, лишь подтверждают живучесть таких чувств. Именно нравственность заставляла русского человека уважать чужие правила жизни и поведения. И если он нарушал таковые, то в этом не было умысла и явно выраженного интереса. Даже реализуя колонизационные замыслы самодержавия, русский человек почти нигде не проявил себя насильником. Но взятые в целом эти черты характера не научали его (как в Британской империи) жестко ставить вопрос о своих национальных интересах, приучать власть заботиться о них. Русский человек как бы стеснялся (и до сих пор стесняется) поставить этот вопрос. Власть же (и царская, и вскоре советская) с помощью то православной, то интернационалистской идеологии умело растворяла проблему в различных «этатистских» обязанностях и долге.

Такой характер, будучи перегружен «этатистскими» обязанностями, даже не предполагал, что

эгоизм, в том числе и социальный, и этнический, является важной частью механизма образования гражданского общества. Отсутствие эгоистических черт характера позволяло власти брать на себя «заботу». Она играла роль «защитника» от различных социальных неурядиц и невзгод, но эта роль лишь наивному казалась более сложной, чем та, которую исполняла власть в Британской империи, будучи проводником и охранителем национальных интересов жителей метрополии. Русские люди и раньше спокойно воспринимали наличие автономии в ряде сфер общественной жизни Польши, Финляндии, Хивинского ханства и Бухарского эмирата. При этом Россия оставалась для них прежде всего Русским государством, а «царю виднее», как устраивать свои отношения с поляками, финнами и прочими.

И при Советской власти процесс организации автономий пошел по пути принятия решений «сверху». В диалог с ограниченным составом участников (политических элит) население практически не включалось, играя декоративную роль на различных съездах. Ограниченное число участников голосовало за ту юрисдикцию и объемы автономных прав, которые определялись партией большевиков. Так действовал один из устойчивых стереотипов русского сознания, выражающийся теперь в том, что «начальству виднее». Он и позволил Советской власти использовать прежний способ разрешения сложнейшей стороны общественных отношений.

Белое движение активно разыгрывало карту создания национальных государственных на окраинах бывшей империи и выделения нерусских автономий внутри нее как угрозу целостности России, как ликвидацию Русского государства, чтобы увеличить число своих сторонников. Но и оно столкнулось со

специфическим феноменом. Оно оттолкнуло от себя лидеров национальных движений, за которыми ушли и массы. Но и русский человек, сражаясь на той или иной стороне, а иногда попеременно там, куда его мобилизовали контролирующая территория силы, более важным, насущным считал «разобраться» с бывшим помещиком, фабрикантом, заводчиком, купцом и им подобными. В русской же глубинке нерусский помещик или фабрикант был скорее экзотикой.

Учтем и степень информированности народа о происходящем, замененную агитацией и пропагандой, активно распространяемыми мифы среди большого числа неграмотных. Большевики установили и жесткую цензуру. Житель какой-нибудь Вологодской губернии слабо мог себе представить, какие его личные интересы, специфически интерпретированные идеологией, задевает создание автономий в Средней Азии, как он не вникал в геополитические соображения «царя-батюшки» при ее завоевании во второй половине XIX в., хотя мог и принимать в этом участие. Куда больше его интересовал вопрос о размере земельного надела за околицей, что и позволяет делать вывод о преобладании социальных проблем в русском социуме в Гражданской войне.

Но все же лозунги тамбовских крестьян, участвовавших в Антоновском мятеже, включили в себя право наций на самоопределение. И возникает вопрос: не подразумевали ли они под этим лозунгом право определить свое собственное отношение к переустройству страны большевиками?

* * *

Достаточно терпимое отношение к нерусским автономиям преобладало в крестьянской среде на материковой части РСФСР, то есть там, где проживало

около 60 % русского населения. При создании немецкой автономии эксцессов со стороны русских не наблюдалось. Напротив, к ней негативно отнесся Саратовский губисполком: территория автономии выкраивалась из Саратовской губернии. Жители некоторых русских сел, вкрапавшихся в ее территорию, вначале даже согласились войти в нее. Правда, затем большинство все же отказалось.

Складывается впечатление, что к весне 1919 г., к VIII съезду партии, Ленин вполне уже понимал, что борьба и в русской деревне, трактуемая им как социальная, имеет национальную подоплеку. Сам Ленин всегда обходил эту тему. Позже крайне осторожно этого коснулся Троцкий в статьях 1923 г., отстаивая ленинскую позицию в национальном вопросе и утверждая, что «классовый критерий минус национальный вопрос не есть классовый критерий, а обрубок его».

Но Ленин всегда держал в фокусе внимания проблему великодержавных проявлений. Эта проблема доставляла ему забот с многих сторон: ею «болело» Белое движение, его яростные противники в борьбе за власть. Проявление тех же свойств раздражало его в партийцах, которые даже в Туркестане «диктатуру пролетариата» осуществляли, как выразился Г.И. Сафаров, «на рязанский лад».

Конечно, Ленин опасался реакции народа на выстраивание нерусских автономий: не качнется ли он в белый лагерь и по этой причине? Лишенный политиков, отстаивавших русскую модель поведения в стане большевиков (все они – критики большевистской власти и все в оппозиции к ней), народ не продолжил поиски в этом направлении. Он был очень силен, русский народ, и заставил из русской деревни убраться силы, которые навязывали ему свои представления еще до октября 1917 г. Он практически заставил убраться и большевиков с их

ставкой на «самых сырых и обездоленных» с их комбедами. Его не надо тащить ни в «единую и неделимую», ни во «всероссийскую трудовую коммуну». Гражданская война русской деревни стала логическим продолжением поиска нового источника власти, начавшего реализовываться в Советах еще до Октябрьского переворота. Их первоначально создал народ, но вскоре использовали политические лидеры преимущественно социалистического толка для реализации своих интересов и целей, главная из которых состояла в захвате власти.

Доклад Ленина на VIII съезде РКП(б) по национальному вопросу тесно связан с его мыслями, изложенными в докладе о среднем крестьянстве. Ленин объясняет делегатам, почему необходимо в партийной программе отказаться от классового ограничения права наций на самоопределение. Главной причиной изменения объявляет реальную социальную структуру общества. Он подчеркивает, что новые условия и новые задачи по отношению к этому классу *«требуют новой психологии»*.

От историка требуется большое самообладание, чтобы отделить его наставления и рассуждения от его же реальной политики. Ленин одновременно подписывает десятки документов об устроении проведения продразверстки: от нее-то и страдало среднее крестьянство. Но он же начинает видеть: в России, крестьянско-русской стране, реальная база ее переустройства после установления «диктатуры пролетариата» – это среднее русское крестьянство не только со своими социальными, но и национальными возможностями и интересами.

Ленин – политик, и все просчитывает. Он расширяет понятие диктатуры пролетариата, включает в него длительный период сотрудничества со средним крестьянством. Несть числа его призывам к развитию и

использованию «творческой инициативы масс». Именно поэтому его так раздражает великодержавность как тип политической ментальности и стереотип политического поведения, преобладающий и в стане его открытых противников, и в среде его ближайшего окружения, и, чего он не замечает, у него самого как политика авторитарного. Хотя нельзя не заметить, что ему становятся ближе деятели типа Л.Д. Троцкого, Х.Г. Раковского, Н.А. Скрыпника, способные улавливать то, что происходит в народной толще. «Товарищ Бухарин, – одергивает он наиболее ретивых, – не хочет ждать. Им овладевает нетерпение».

Но, заставив убраться из деревни и те, и другие противоборствующие силы, понудив большевиков считаться с собою, русская деревня все же (вот роль характера!) не превратила поиск себя в источник власти. Судьбоносный «момент истины» стал всего лишь тактическим маневром власти. Она заменила продразверстку продналогом на X партийном съезде в марте 1921 г. и перешла к нэпу. Этот глоток свободы для русской деревни и стал условием гражданского мира. Сталин разделался с ним в ходе коллективизации.

И сам же Ленин использовал черты характера русского человека, его исторически стойкий стереотип мышления, именуемый как «начальству виднее». Он изначально избрал путь восстановления прежнего источника власти: вне народа, не из народа, вертикальный, «сверху», директивный, командный. Тот самый, который не преодолело и Белое движение. Этот путь и соответствующий ему способ взаимоотношения власти с обществом и составляли сущность русской политической традиции. Именно она позволяет власти каждый раз твердить, что «не тот народ ей достался». Правда, для старой он был при этом и «богоносцем», а для новой – «гегемоном мирового революционного

движения». Речь идет о природе государственности, которая воспроизводит соответствующий тип власти с традиционным неверием в силы и разум народов, которые никогда не были едины по определению, хотя и, безусловно, имели целый спектр общих интересов. Народы были всегда делимы властью по собственному усмотрению и разумению. Здесь зарыто зерно истинности парадигмы «единой и неделимой России» как неделимости власти в ней и над ее народами.

Этот путь возвращения к прежнему источнику власти и есть трагедия русской революции, ее историческая ловушка и логическая ошибка. В 1919 г. из областных автономий восстанавливаются прежние губернии с соответствующим аппаратом управления и отношениями с центром.

Этот путь возвращения к традиционному источнику власти есть и личная ленинская трагедия: на этом пути он вскоре окажется бессильным, этот путь продиктует ему неадекватность оценок ситуаций и предлагаемых к разрешению подходов, приведет к болезни и одиночеству, устранив его самого. Возвращение к этому пути имел в виду М. Гефтер, назвав его «заблуждением мысли, рванувшейся вперед» и выбравшей себе именно поэтому надсмотрщика. Такие прорывы, которые Ленин совершил на VIII и X съездах РКП(б), и делают его личность наиболее дискутируемой и все более негативной в восприятии и сегодняшних политиков. Для них понятен лишь тот источник власти, за попытку разрушить который русские заплатили реками крови.

А. Янов обращает внимание на важность учета поразительной живучести и устойчивости той традиции в политической системе России, которая воспроизводит автократию на требуемом временем уровне сложности и, что важнее, более или менее независимо от сознательных

намерений ее лидеров. Он подчеркивает, что Ленин «разрушил отжившую форму русской политической системы» – самодержавие – в том виде, в котором оно существовало до революции, но «чтобы спасти ее полувизантийскую имперскую средневековую сущность»⁷.

* * *

На сохранение способа взаимоотношений власти с народом в соответствующей идеологической аранжировке влияло иное отношение крестьянства, переселившегося на автономизируемые территории. Там проживало около 20 млн русских, или около 30 % всех русских РСФСР.

Как встретили известие о башкирской автономии население и войска, дислоцировавшиеся на территории организуемой автономии, видно из донесений в центр официальных представителей Москвы. У них не было особого резона излишне драматизировать. В.В. Куйбышев и Ф.Ф. Новицкий требовали пресечь то, что красноармейцы «коварным образом» разоружали башкирские части, перешедшие на сторону Советской власти, «пленные подвергались издевательствам и побоям», им делались «наглые замечания, что то, что терпят башкиры, – это только начало того, что они и в дальнейшем должны будут вынести». Шли «массовые расстрелы солдат-башкир и их вождей, сторонников Советской власти». «Отношение к мирному башкирскому населению, – отмечали они же, – полно ужаса. Грабежи, аресты, расстрелы, изнасилования женщин нашли себе широкое применение. Едва ли не каждая деревня облагалась контрибуцией деньгами и натурой. За невнесение денег расстреливались революционные деятели Башкирии, поэты, художники...

Одна из виднейших женщин Башкирии, учительница, была изнасилована в один день 21 красноармейцем и как пленница была отдана в распоряжение проходимца». Вместо создания автономных органов власти «насаждались “чисто русские” ревкомы из представителей кулацких переселенческих элементов»⁸.

Архивы Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) подтверждают, что такая информация шла со всех окраин – Средней Азии и Казахстана, Поволжья, Северного Кавказа, Сибири и Алтая. Они конкретизируют, но не добавляют ничего нового: в Москве были прекрасно информированы об остроте реакции местного русского населения на процессы автономизации.

* * *

Самый сложный вопрос, конечно, – об отношении русской интеллигенции к этой проблеме. Интеллигенция всегда претендует, а в России тем более, на отражение состояния национального самосознания всего народа. Оценка отношения интеллигенции к проблеме переустройства России отнюдь не облегчается неприятием интеллигенцией Советской власти как таковой, переходом на сторону Белого движения как физически, так и идеологически, эмиграцию как реальную, так и «внутреннюю», вынужденным профессиональным сотрудничеством в условиях жесточайшего террора и диктата большевиков. Как ни важны эти новые факты, а они в самом деле бесценны, историография обладает и не менее значимыми доказательствами противного: и притяия власти, и сотрудничества искреннего с нею и с большевиками, в том числе и идеологического.

И без подсчетов тех, кто отринул Советскую власть и большевиков, и тех, кто их принял и

сотрудничал с ними, понятно, что позиция интеллигенции была сложной и неоднозначной.

Более важно осмыслить эту сложность и неоднозначность как конвергенцию иллюзий с ее культурно-ментальными корнями, приведшую в итоге к тому, что русская интеллигенция внесла весомый вклад в падение самодержавия как типа имперской власти. Практически все оппозиционные партии (и либеральные, и леворадикальные), оказавшиеся по разные в Гражданской войне стороны баррикад, в той или иной степени поддерживали национально-культурные и национально-освободительные движения. Опасности, проистекающие для России как государства восточно-христианского типа цивилизации и типа монархии, на которые указывал К. Леонтьев, крайне неудачно интерпретировали охотничьи элементы и их собственные идеологи. Такая интерпретация справедливо отвратила русского интеллигента от этой компании. Но если до революции эта неприязнь усиливала «жажду» революционных перемен, то, как только она свершилась, помешала увидеть за дикими эксцессами, погромами не только гримасы революционного процесса в условиях культурно-разнородного микста, но и аналогичную реакцию на него в самом русском обществе.

Интеллигенция в массе своей была в плену эмоций и поджидала «конца света» уже с конца XIX в., что прекрасно отражала русская литература и особенно поэзия. В России эмоции затронули элитарную, гуманитарную интеллигенцию. Эти настроения сливались с пессимистической эсхатологией консервативных православных кругов, жестоко опаздывавших с выработкой эффективных рецептов встраивания населения в жизненный контекст.

Когда разразилась революция, судьба страны, власть в ней, вопреки ожиданиям интеллигенции,

оказалась отнюдь не в ее руках. С одной стороны, судьбой страны распоряжалась бушующая народная стихия, а с другой – партия большевиков, направлявшая усилия на то, чтобы эту стихию вначале использовать, а затем обуздать и со временем подчинить.

И ничуть не удивительно, что, критикуя самодержавие, готовя революцию, и либеральные, и левые небольшевистские круги, как только эта революция свершилась, объявили Россию царством зла, революцию – национальной катастрофой, провалом в бездну. Хуже было то, что ненависть к большевикам нередко распространялась на русский народ в целом как на озверевшую, соблазненную, растленную толпу. Церковные иерархи и писатели, историки и партийные деятели (от кадетов до лидеров Союза Михаила Архангела) оставили огромное количество такого рода оценок. Чтобы не быть голословными, приведем оценку члена Союза Михаила Архангела полковника Ф. Винберга, который утверждал, что из всех народов, населяющих Россию, хуже всех оказались великороссы. «В тупик становишься, – негодовал он, перед этой грубой, жесткой, тупой и холодной, беспросветно толстокожей злобностью... Как могли мы, культурные классы, проморгать то обстоятельство, что мы имеем дело со зверем, притаившимся, скрывающим свои инстинкты, но при первом случае бывшем наготове вцепиться нам в горло»⁹. Ничуть не лучше этих оскорблений были стенания и жаленье «богоносного» народа, пошедшего «не туда», «не с теми» и «не за тем».

Объяснения искали в двух направлениях: в сложных философских объяснениях «праведности» греха и в примитивных происках враждебных сил, обрушившихся на не повинную ни в чем святую Русь. Такое поведение было вполне предсказано «Вехами» в 1909 г. и подтверждено этими же авторами в сборнике

«Из глубины» в 1918 г. На «Вехи» обиделись практически все. «Из глубины» прочитали немногие. Обиделись на то, что интеллигенцию обвинили в человеколюбии ложном, не основанном на уважении абсолютной значимости человека, в подмене истины интересами, в создании особого культа революционной морали и культа революционной святости. Авторы «Вех» критически осмыслили феномен отечественной интеллигенции как особого, в самом себе замкнутого сословия, своеобразного социального анклава, существующего внутри российского общества, обособленного и от этого общества, и от власти, но тем не менее активно и деструктивно влияющего на них.

П.Н. Милюков развивал мысль: если на Западе сословия создали государство, то в России государство вызвало к жизни сословия. Позже И. Дойчер выделил и другую важную особенность русской интеллигенции: ее стремление, особенно лидеров, при незрелости общества замещать собою народ, действовать в качестве его доверенных лиц. Эта интеллигентская логика «заместительства» весьма органично сочетается с властной логикой большевиков о «праве на эксперимент». Они дополняли и усиливали друг друга, вытесняли способность учиться у народа, вслушиваться и всматриваться в народ.

«Русская апокалиптика, – поднимает Бердяев еще одну важную проблему, – она может сделать русский народ народом неисторическим, отвратить людей “от реальности” и повергнуть в “царство призраков”». Это социальное манихейство усматривало в мире изначальную недоброкачественность, некое предвечное, не зависимое от человека и враждебное ему, злое начало. Оно вело к тому выводу, что человек и мир должны находиться в постоянном борении за право быть субъектом: либо мир подчинит себе и объективирует

человека, либо, напротив, человек овладеет миром и объективирует его. Левонародническая часть интеллигенции признала большевиков как русскую национальную силу, а мессианский характер Октябрьской революции воспринимала не только в социальном плане, но и как революцию духа. Русский революционный нигилизм, основа и предтеча скифства, жил в ожидании «очистительного огня», который «пожрет Содом и Гоморру», а на их месте «восставится новое Царство Божие»¹⁰.

Сравнительно мало анализируются историко-культурные результаты деятельности русских сект. Но достаточно и того, что раскрыл Милюков. Он подчеркнул, что секты носили глубоко русский характер, проявляя, таким образом, общность интересов в разрушении бывшего миропорядка с большевиками. Русский революционный символизм встретил революцию как вселенское духовное преображение и как невиданное национальное возрождение. Как пишет М. Агурский, Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус лишь «отвергли большевизм, не признав в нем собственного крестника»¹¹.

К восприятию Советской власти как единственной национально-русской, а большевизма – как русского национального течения четко дрейфовали и Н. Устрялов, и царский генералитет, и офицерство. Из 130 тыс. половина их была в Красной армии. Затем – «сменовеховцы», евразийство с его представлениями о русском культурно-историческом типе с азиатской ориентацией как единственном пути к выживанию (у Е.Н. Трубецкого), живоцерковцы (обновленцы) во главе с епископом Антонином (Грановским), русифицированная интеллигенция, литературные течения – «попутчики» и футуристы. Это в итоге и вело к признанию Советского государства в целом как отвечающего «истинным

русским национальным и даже религиозным интересам». Сходные оценки мы можем найти и в эмигрантском лагере, и даже у лидеров Белого движения.

Анализ этих дефектов философско-мировоззренческого плана и их реальные историко-культурные последствия были в центре внимания как эмигрировавших «веховцев» – С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, П.Б. Струве, так и мыслителей русского христианско-либерального направления – С.А. Левицкого, Г.П. Федотова, С.О. Лосского, В.В. Зеньковского.

«Веховцы» в 1918 г. самим названием сборника «Из глубины» пытались глубже заглянуть в суть проблем, вынесенных народом в Гражданскую войну, и оценить вклад интеллигенции в культурно-духовную ситуацию, за которую она несла историческую ответственность. К самым нелюбимым, но точным выводам пришел Изгоев, утверждая, что «интеллигенция совершенно не понимала ни природы человека, ни природы общества и государства и условий, необходимых для их укрепления и развития. О человеке, об обществе и государстве наша интеллигенция составила себе фантастические, лживые и ложные представления», и, когда в роли критиков выступили не они сами, а жизнь, стало очевидно, что «большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие»¹².

Еще до революции авторы «Вех» задумывали издать отдельный сборник, посвятив его «здоровому национализму», «органическому национально-государственному и культурно-религиозному мирозерцанию». Однако обмен мнениями между авторами привел к заключению, что это «слишком полемично». Обсуждение вопроса «огромнейшей важности» («и *своевременно* именно теперь возможно

громче и ярче говорить и проповедовать о нем») не состоялось. Подготовка сборника по разным причинам была отложена. Не стал этот вопрос центральной темой и сборника «Из глубины». Правда, начиная свою статью «Исторический смысл русской революции и национальные задачи», Струве верно констатировал, что без тяжелой работы самопознания своего положения в собственной стране и в самом деле лишь немногие ощущали «роковую круговую поруку между пороками русской государственности и русской общественности». На внутреннюю связь, сродство, общность ментальности, неосознаваемую и потому отрицаемую конвергентность (склонность к расколу – лишь ее обратная сторона) как родовую черту, опирались большевики. Не обращая внимания на истошные вопли и проклятия, исторгаемые интеллигенцией, они приступили к переустройству России. И та, и другая сторона вполне друг друга понимали, а М. Волошин скоро заметил «в комиссарах дух самодержавья, взрывы революции в царях».

У каждого народа есть собственная специфика национальных черт – благородных и низменных, жестоких и милосердных, агрессивных и миролюбивых, – которыми политики пользовались и пользуются, составляя из них ту выгодную композицию, которая наилучшим способом служит достижению поставленной цели. Политик, используя те или иные национальные черты, конечно, принимает в расчет и количественные соотношения народов. И в этом смысле русские неминуемо должны были оказаться в эпицентре противоборствующих сторон. Но вопрос вот в чем: насколько неизбежным было для них стать объектом политической мистификации?

* * *

Самый крупный (и, по сути, единственный) конфликт Ленина со Сталиным был на национальной почве. Ленину удалось отстоять федеративное устройство СССР, вхождение в него «вместе и наравне» РСФСР, Украины, ЗСФСР и Белоруссии. Обычно на этом анализ проблемы завершается. Но суть ее намного глубже.

27 сентября 1922 г., в ходе обсуждения принципов вхождения этих республик в состав будущего Союза, Сталин направил Л.Б. Каменеву письмо. В нем он назвал Ленина «национал-либералом» и подчеркнул, что «всякое решение в смысле поправки тов. Ленина должно привести к обязательному созданию русского ЦИК с исключением оттуда восьми автономных республик (татреспублика, туркреспублика и прочее), входящих в состав РСФСР, и объявление последних независимыми».

Ленинскую позицию Сталин передергивает. До сих пор неизвестны документы, свидетельствующие о каких-либо соображениях Ленина выделить из структуры РСФСР русскую территорию и дать ей формальный статус. Но логически он прав.

Султан-Галиев стал для Сталина злейшим, после Троцкого, врагом за то, что вместе с П.Г. Мдивани осмелился поставить в ходе закрытого заседания на XII съезде РКП(б) вопрос: а как же быть с русскими? «Султан-Галиев говорит, – образуй немедленно русскую республику», – гневался он. Сталин покончил с какими бы то ни было попытками поставить этот вопрос, отвечая ему: «Как русским войти в состав Союза? Никак, ибо они останутся вне союза, ибо им следует сорганизоваться... Какая в этом политическая необходимость?»

Русские и евреи: в плену собственного мессианства

Н. Бердяев (один из первых в списке пассажиров на знаменитый «философский проход»), и не только он, хорошо понимали, о чем писали. Наверное, их подход к истории российской революции можно назвать метаисторическим. Лишь при таком подходе к российской революции и гражданской войне центральное место в ней занимают два субъекта – русские со своим мессианским сознанием и евреи со своим мессианским сознанием. Отличия в их мессианстве не только во временном основании, но и в прагматически-содержательном¹³.

Мессианство – это свойство сознания, пропитанное великой (как показывает история, как правило, утопической) идеей для достижения цели (столь же великой и столь же утопической). Любой политик не упустит возможность извлечь из мессианской идеи полезную для системы прагматическую цель.

Мессианское сознание народа-«Богоносца», хотя и более короткий период, формировалось существенно ограниченным (идея Третьего Рима). Идея хранить христианские ценности вылилась в идею хранить территорию. Недаром самые дикие антиеврейские эксцессы в Гражданскую войну, о которых пишет О.В. Будницкий¹⁴, отражены в поведении казачества – это так понятно. Эта инверсия мессианства целенаправленно насаждалась самодержавием, церковью, государственной системой образования. Средств и механизмов манипулировать таким сознанием было в избытке. Синод до 1917 г. – это идеологическое министерство в структуре самодержавной власти. Только у него было около 40 тыс. церковно-приходских школ. Революция

выставила оценку работе и первого, и второй, и третьей. Всеобщее обучение введет, увы, уже Сталин.

У «Богом избранного» народа таких мощных механизмов и средств было поменьше. Но мессианское сознание евреев хранили синагога, авторитет раввинов, собственная система образования (9,5 тыс. хедеров и иешиботов), местные органы самоуправления. Черта оседлости, увы, тоже играла свою роль: эту границу еврейская молодежь штурмовала с не меньшим энтузиазмом, чем французы Бастилию. Причем, в разных направлениях – в русские территории (черта оседлости хитроумно отграничивала от евреев собственно русское население), и в Европу: в этом направлении граница была гораздо более открытой. Власть ввела до революции процентную норму, это возмущало, но... открыты европейские университеты.

Опыта взаимопонимания, взаимодействия двух мессианских сознаний и у русских, и у евреев практически не было. Черту оседлости фактически ликвидировала Первая мировая война – обстоятельство, мало способствующее взаимопониманию (и тем более, гуманности) при том, как она вообще велась. На церкви – и православную, и иудаистскую – в этом смысле рассчитывать нельзя: такова их природа. Положение церковей в России было разным, да и в России история церкви – это не история народа. То же относится и к истории властных институтов. Да, православная церковь была при власти, но иудаистская в этом отношении была свободней.

И русские, и евреи в революцию и в Гражданскую войну, каждый по-своему, принялись творить новый мир, находясь в плену собственного мессианства. Первые – едва вырвавшись из векового крепостного права, вторые – из местечковой атмосферы черты оседлости. «Разгоревшееся национальное чувство в России это

стихия – и я, старый интернационалист, скажу теперь даже: святая стихия – и с ней надо считаться». Писатель И.Ф. Наживин «в своеобразном покаянии в интеллигентском интернационализме» пишет, что в основе антипатии к еврейству лежит «что-то... такое глубокое, что оно решительно ускользает от всякого исследования»¹⁵. Как у русских был разный «посткрепостной» опыт, так и в черте оседлости он был разным (был и хасидизм, но был и Вильно, снискавший название «Иерусалим на территории России»). Огромное число фактов свидетельствует, что совместную русско-еврейскую историю (а революция и Гражданская война и есть совместная русско-еврейская история) нельзя понять вне религиозного контекста, ощутить ее трагизм и величие, осознать ее смысл в их целостной исторической связи. Эта история не сводится только к ужасающим фактам погромов, убийств, грабежей и прочего подобного.

Задача историка в «русском бунте, бессмысленном и беспощадном», равно как и в том, что «местечковые мальчишки» двинулись в города, чтобы стать чекистами, инженерами, поэтами, шахматистами и музыкантами, – увидеть стремление совместить идеи Нового Завета, Талмуда и третьего евангелия – «Капитала» К. Маркса. Как много среди тех и других было мучеников и героев, к которым примкнули и искренне заблуждающиеся, и негодяи, и отъявленные преступники, начисто потерявшие человеческий облик. В сложнейшей комбинации несовместимых идей, в разгуле страстей, озверении и одичалости, отступлении от морали, тем не менее, Страна Советов замышлялась как наднациональная «модернизационная империя», как преемник Просвещения и лидер Прогресса.

Этот период назывался и периодом «военного коммунизма»... И в этом качестве, как представлялось

«интернационалистам» (и русским, и евреям), следовало выявить, приучить, переплавить, вовлечь в себя различный человеческий материал, который «годился для прогресса», для советско-имперского модернизационного строительства. Все, что тому сопротивлялось, отвергалось. Оно клеймилось как «буржуазные» пережитки и зачастую прямо репрессировалось¹⁶.

* * *

История знает немало примеров жизненного пути и развития народов в имперских условиях, и не только русские были становым хребтом империи. Но ни одну имперскую нацию империя не лишила в такой степени чувства хозяина своей судьбы, своей земли, своей страны, чувства национальной солидарности. И, может быть, именно поэтому она так жадно воспользовалась глотком свободы, дарованным революцией.

И белые, и красные, в сущности, эксплуатировали специфический феномен культуры: эту склонность к расколу, при котором и идея «единой и неделимой», и «мировой революции» были лишь дымовой завесой. За нею стояла главная цель: сохранить традиционный источник власти и способ властвования в стране.

Трудно отрешиться от восприятия этих двух противостоящих сторон не как противников, а как соперников. Противники имеют противоречия в целях. Соперники этих расхождений не имеют. Противники рано или поздно могут договориться. Соперники – никогда. И если Белое движение добивалось власти, эксплуатируя прошлое величие России, то большевики уповали на это же величие в будущем. А народ погибал, убивая своего брата или соседа по обе стороны окопов. «В национальном вопросе есть, – сказал Сталин на XII

съезде партии, – свои пределы. Есть другой вопрос, более важный... вопрос о власти рабочего класса. Вот в чем дело... Есть право рабочего на свою власть, есть право на укрепление своей власти». На самом же деле, у белых или у красных будет находиться источник власти – не только для русских, но и для всех народов России стало неважным, что и определило исход Гражданской войны. Г. Федотов в эмиграции назвал рабочий класс самым «незадачливым диктатором».

Но итоги Гражданской войны народы России оценили лишь спустя 70 лет: с крахом советской системы.

Для русских они оказались самыми неутешительными. Помочь их понять может турецкий опыт. Турки отделились от Османской империи, в которой формально занимали место главной нации, и образовали национальное государство. Это был жесточайший в новейшей истории опыт, на море крови армян и греков. Русские поступили как раз наоборот: после крушения Российской империи они не создали национального государства. Диктатом и террором большевики принудили их воссоздать империю под знаменем всеобъемлющей универсальной доктрины, представляющей новую ипостась Российской – но не имевшей в названии даже слова «Россия» – империи. Уже на XII съезде партии Н.И. Бухарин заявил: «Русские... выступают сейчас носителями русской государственной идеи в советской форме».

Но Гражданская война положила начало выделению нерусских территорий. Народы, населяющие их, получили разные формы государственности. И как бы большевики ни считали, что главнее в этой форме ее «советскость», народы примиряло с нею то, что украинцы считали свою республику, прежде всего, Украинской, а татары – Татарской. Как бы большевики

ни использовали национальный вопрос для «активной обороны» от буржуазного национализма, к которому они относили и Белое движение, и внешний фактор, главным итогом Гражданской войны стал раздел бывшей империи по этническому признаку, который на исходе XX в. превратился в базу для формирования многих национальных государств.

Примечания

¹ *Нейрн Т.* Интернационализм и второе пришествие // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 357.

² *Гаспринский И.* Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881.

³ *Султан-Галиев М.* Избранные труды. Казань, 1998. С. 447.

⁴ *Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. М., 1992.

⁵ «Твердыни национального отъединения» // Труды Института национальных проблем образования. Вып. 1. М., 1993.

⁶ *Диманштейн С.М.* Башкирия в 1918 – 1920 гг. // Пролетарская революция. 1928. № 5(76). С. 152.

⁷ *Янов А.* Русская идея и 2000-й год. Н.-Й., 1988.

⁸ Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: Сборник документов и материалов, Уфа, 1959.

⁹ *Винберг Ф.* В плену у обезьян. Киев, 1918.

¹⁰ Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 289.

¹¹ *Агурский М.* Национал-коммунизм. М., 1991. С. 36.

¹² Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 362.

¹³ *Красовицкая Т.Ю.* [Рец.] *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2006 // Новый исторический вестник. 2007. № 1(15). С. 236–242.

¹⁴ *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2006.

¹⁵ *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2006. С. 355–356.

¹⁶ *Иоффе Г.* Читая Будницкого // Новый исторический вестник. 2007. № 1(15). С. 228–236; *Пискун В.* [Рец.] *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2006 // Новый исторический вестник. 2007. № 1(15). С. 242–246; *Крушельницкий А.В.* [Рец.] *Будницкий О.В.* Российские евреи между

красными и белыми (1917 – 1920). М., 2006 // Новый исторический вестник. 2007. № 1(15). С. 246–260.